

разование флуктуационной системы происходит в том случае, когда “сгущение” одной флуктуации переходит в “разряжение” другой (соседней) флуктуации, а “сгущение” последней переходит в “разряжение” первой. Это — наипростейший пример образования возможной флуктуационной системы. Однако, скорее всего, первичная флуктуационная система образуется не из 2-х, а из 3-х флуктуаций, так как для взаимного замещения “сгущений” и “разряжений” необходимо некоторое “жизненное пространство”. Другими словами, взаимопереход легче осуществим, если взаимодействуют не две, а три флуктуации»; «Почему же безмозглый вакуум с его хаотичным кипением флуктуаций порождает разумную жизнь? Ключ к разгадке содержится в правильном понимании сути размножения и развития живого из слияния двух половых клеток!» (Дёмин 1997: 513, 514, 518).

Эти и подобные им пассажи избавляют от необходимости вникать в подробности авторской аргументации. Если она рациональна, что же тогда иррационально?

Впрочем, как выясняется дальше, свою физическую картину мира В. Н. Дёмин (сам не будучи физиком) во многом заимствовал у авторов скандально известной «теории торсионных полей». Только их эксперименты он признаёт, только их не причисляет к ненавистной «официозной науке» и не обвиняет в «ползучем эмпиризме» (Дёмин 1997: 186, 531). Между тем об «экспериментах» А. Е. Акимова и Г. И. Шипова с «торсионными полями» (они же в разное время — «спинорные» и «микролептонные»), а также о возникавших вокруг них скандалах, начиная с 1991 г., уже высказалась РАН в лице академиков Е. Б. Александрова, Э. П. Круглякова, Нобелевского лауреата по физике В. Л. Гинзбурга, и не философу тягаться с ними на их же поле. Пусть читатель — не физик, пусть он не может своими силами разобраться, дополнил ли Г. И. Шипов Эйнштейна или нет. Но когда он узнаёт, что ни один эксперимент по обнаружению торсионных полей не дал убедительного результата, что одна и та же идея, не будучи доказанной перед лицом одной научной инстанции, тут же предлагается в другую со сменой одного лишь ярлыка, что продвигать идею, отвергаемую Академией наук, пытаются через внеучёные органы, включая органы власти (что равносильно классическим жалобам с просьбой «принять соответствующие меры»), что в этом деле постоянно совершались нарушения научной этики и даже доказанные аферы (см. материалы обсуждения на заседании Президиума РАН 27 мая 2003 г. — Кругляков 2003, а также: Гинзбург 2003), — как-то нет нужды разбираться, есть ли и вправду во всём этом жемчужное зерно. Люди, уверенные в своей правоте, так себя не ведут: они полагаются на способность истины защитить себя самоё.

III.1.6. Г. Вирт: «закон Вральды»

Наконец, Г. Вирт сам постоянно подчёркивал свой мистический настрой. Его текст буквально пестрит словом «мистика» во всех видах и ссылками на рунологию — не на исследование рунической письменности (что в науке было бы закономерно), а на раскрытие «тайного смысла» рунических знаков. В самой «*Ура Лунде*» упоминания бога и его закона постоянны, но сам этот бог обозначается только одним эпитетом — *Wralda* (немецкое *Uralte* ‘Предвечный’).

При этом составитель «*Ура Лунды*» признаёт, что его текст тёмнен, но прибегает к испытанному приёму — ссылке на некомпетентность и злонамеренность переписчиков, «теории заговора»: «все эти финны, тирцы и крекаландцы [греки]. <...>

При этом сами они хотели, чтобы другие народы не смогли разобрать их писаний, поскольку всегда были они склонны к тайнам и таинственному. Когда же они сделали её тёмной и недоступной для остальных, они сильно перестарались, так что дети с трудом могли разобрать писания своих отцов» (Ура Линда 2007: 127). К подобному самооправданию прибегали и Е. П. Блаватская, и Э. Шюре, и другие искатели «изначальной религии», якобы зашифрованной в священных книгах.

Итак, как ни различны рассматриваемые авторы, но налицо первая общая черта: история человечества, его общества и культуры — стихийный процесс, управляемый не самими людьми, а иррациональными силами. В принципе, этого следовало ожидать: «рациональный миф» — противоречие в определении. Но следуем далее.

III.2. Избранная популяция

Что Розенберг был расистом, не приходится даже доказывать. Он сам выпячивал, как мог, именно эту сторону своих трудов и даже претендовал на роль «официального философа расизма». Тут он, конечно, преувеличил: как философу ему далеко до Ж. А. де Гобино, а учёным-исследователем он и вовсе никогда не был.

III.2.1. Равен ли суперэтнос расе?

Гумилёв же стремится избежать упреков в расизме. Во-первых, после Победы откровенная поддержка расистских идей в странах, боровшихся с гитлеризмом, была бы невозможна — даже по чисто моральным соображениям. Во-вторых, ему, крупному учёному, было ясно, как беспомощен научный уровень расистских «теорий», как бессильны были они даже чётко определить, что такое вообще раса. Поэтому он специально подчёркивает:

«Рас, по В. П. Алексееву, шесть. И по внешнему виду, и по психофизическим особенностям представители разных рас отличаются друг от друга. **Раса** является относительно стабильной биологической характеристикой вида людей, но при этом нам важно здесь подчеркнуть, что она никак **не является формой их общежития, способом их совместной жизни**» (Гумилёв 1990: 13).

Разные классификации насчитывают от трёх до двадцати рас, больших и малых. Так или иначе, Гумилёв отмежевывается от термина «раса»:

«Значит, этнос не биологическое явление, так же как и не социальное. Вот почему предлагаю *этнос* считать **явлением географическим**, всегда **связанным с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос**. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы» (Гумилёв 1990: 17).

Место расы в его концепции занимает этнос. Причём от его научного определения автор также уклоняется и даёт лишь нефункциональное определение (Клейн 1992: 232), да и то в виде уступки занудам: «Ну, а если найдётся привередливый рецензент, который потребует дать в начале книги чёткое определение понятия “этнос”, то можно сказать так: этнос — феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согла-